

Глава III.

ИЗУЧЕНИЕ БОСПОРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ПРИ А.А. ВАСИЛЬЧИКОВЕ (1882–1886)

3.1. С.И. Веребрюсов и Н.П. Кондаков о задачах дальнейшего изучения боспорских древностей

Недолгое руководство А.А. Васильчикова, возглавившего Императорскую археологическую комиссию 12 марта 1882 г. [о нём см.: Медведева и др., 2009, с. 89 сл., 93], в деятельность этой организации не внесло заметных позитивных перемен, в особенности это очевидно в отношении изучения боспорских древностей [Панкратова, 2008б, с. 196]. Тем не менее, новый председатель Комиссии не остался безучастным к чаяниям археологов и сразу же выразил свою обеспокоенность в связи с планами Военно-инженерного ведомства построить на горе Митридат крепостные сооружения. Из этого ведомства его заверили, однако, что в ближайшее время никакого строительства здесь начато не будет [1882 г., д. 7, л. 4]. Что касается планов изучения древностей Боспора Киммерийского, то ещё 26 января 1882 г. А.А. Васильчиков направил директору Керченского музея С.И. Веребрюсову официальное письмо, в котором предлагал, во-первых, подготовить обзор сделанных к тому времени важнейших археологических открытий с приложением топографического плана, во-вторых, разработать «мотивированную программу» раскопок под Керчию, близ Феодосии и на Таманском полуострове [1882 г., д. 7, л. 2]. Несколько позднее А.А. Васильчиков с аналогичной просьбой обратился к Н.П. Кондакову, которому предлагалось предложить следующее [1882 г., д. 19, л. 1]:

- во-первых, сделать «общий вывод относительно местностей, в которых найдены главным образом того или другого рода гробничные сооружения древнейшие и позднейшие (склепы, катакомбы, каменные гробницы, черепичные и земляные могилы, остатки сожжения трупов и т.д.) и того или другого рода древности (мраморы, терракоты, расписные сосуды, резные камни, металлические вещи и проч.);
 - во-вторых, предложить «мотивированную программу дальнейших раскопок близ Керчи, которые могут обещать какие-нибудь открытия».
- Н.П. Кондаков провёл соответствующие разведки вокруг Керчи и 20 октября 1882 г. написал в Комиссию, что собранные наблюдения убедили его в следующем [1882 г., д. 19, л. 26]:
- во-первых, «в относительной бесполезности поисков с целью находок на горе Митридат и её продолжении и необходимости, напротив, систем-

матических или сплошных расследований по северному склону этой горы, где находятся все линии катакомб, в виду того, что именно эти местности застраиваются с каждым годом более и более, а открытие одной катакомбы с фресками могло бы вознаградить все неудачи»;

- во-вторых, «в необходимости расследования всех больших курганов в наиболее отдалённых местностях Керчь-Еникальского градоначальства, так как именно в этих больших курганах, благодаря каменным их насыпям, добытым из ближайших каменоломен и затруднившим не только расхищение, но и самые раскопки, могли ещё сохраниться древности важного исторического и художественного значения».

С.И. Веребрюсов, в свою очередь, отвечал председателю ИАК, что для подготовки топографического плана в его распоряжении нет специалистов соответствующего профиля¹, а вот к созданию «мотивированной программы» археологических работ он подошёл с предельной серьёзностью и основательностью. Подготовленное им послание в Петербург было названо весьма пространно – «Общий вывод относительно местностей в пределах Керчь-Еникальского градоначальства, в которых производились археологические изыскания и программа дальнейших раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и близ Феодосии» [1882 г., д. 7, л. 18-23]. Этот документ для истории отечественной античной археологии настолько ценен, что его следует опубликовать полностью:

«Замечательную в высшей степени местность близ Керчи, где наиболее производились археологические раскопки, представляет гора Митридат. Самая высшая часть ея примыкает к морскому берегу на востоке, а продолжение хребта тянется к западу, соединяясь с возвышенностью под названием Долгой скалы и далее до Золотого кургана и знаменитой в летописях археологии горы Куль-Оба. Обращённая к морю сторона Митридатовой горы до городского кладбища и несколько далее к западу покрыта обширными *пепелищами*, оставшимися от поселения древней Пантикопеи. Далее, на продолжении к западу, скаты ея, как северный, так и южный, состоят из сплошных *могильных насыпей*. Кроме того, на северной покатости, против татарской слободки, в глубине материка, под сплошными каменными пластами, находится бесчисленное множество *катакомб*, расположенных частично рядами в виде аллей, а еще более устроенных в разброс по северному скату до параллели так называемой Институтской улицы. Таким образом, вся поверхность горы Митридат с давних пор представляла обширное поле для археологических изысканий.

¹ Директор Керченского музея был не совсем прав, поскольку в его распоряжении находилась карта Керчь-Еникальского градоначальства, составленная в 1853 г. по указанию Л.А. Перовского [1889 г., д. 19, д. 4, 10]. Вопрос о снятии нового плана с обозначением всех керченских курганов вновь возник при А.А. Бобринском в 1889 г. [1889 г., д. 19].

Обширные пепелища этой горы, особенно в соседстве с городским кладбищем, до настоящего времени не могли быть окончательно расследованы, во-первых, по своей громадности, во-вторых, по ограниченности сумм Музея. В последние годы инженерное ведомство Керченской крепости приняло было в своё распоряжение значительную часть верхней плоскости Митридатовой горы, от памятника Стемпковского до Ерейского кладбища, в предположении производить планировку этой местности для возведения новой батареи и укреплений. Производство такой планировки могло бы, с одной стороны, привести к новым открытиям древностей, подобно тому, как было при крепостных работах на Павловской батарее, с другой – многие местности этой обширной поверхности могли быть засыпаны и сделаться недоступными для археологических изысканий. Но с тех пор минуло около трёх лет, все слухи о предположенных работах прекратились. Вообще, следует сказать, разрытие пепелищ как в окрестностях Керчи, так и на Таманском полуострове, представляет большой интерес, но требует значительных затрат.

Сплошные могильные насыпи, покрывающие северный и южный скаты горы Митридат, по всему ея протяжению от востока к западу до Золотого кургана, усердно разрабатывались ещё с двадцатых годов, преимущественно в осенне время, иногда зимою при хорошей погоде и с наступлением весны, т.е. в тот период, когда рабочие не могли ещё отдаляться от города и своего местожительства. Бесчисленные гробничные сооружения, скрытые в этих насыпях, разнообразных видов и устройства, относящиеся к различным эпохам и поколениям, расследованные в течение столь продолжительного времени, доставили огромное количество предметов, составивших обширный материал для изучения древнего быта жителей и истории Пантикеи, но вследствие столь продолжительных изысканий открытие древностей на Митридатовой горе становится с каждым годом беднее. Так изыскания, производившиеся в отчём году ранней весной и летом, были вообще малоуспешными, не сопровождались удачными открытиями и, казалось, могли бы вызвать слишком поспешное убеждение, что, если вновь добываемые вещи представляют лишь повторение давно известных предметов, если и самые предметы, имеющие какой-либо научный интерес, встречаются здесь весьма редко, то не время ли отказаться от дальнейших раскопок этих насыпей?

Несмотря на то, на обширных склонах горы Митридат ещё остаются пространства или мало расследованные, или и совсем нетронутые, и нельзя решительно утверждать, чтобы при продолжении изысканий не были здесь открыты новые, в археологическом отношении любопытные предметы, и, принимая во внимание, что эта местность наиболее доступна почти во всякое время года, что здесь преимущественно находимы

были мраморы и надгробные камни с надписями (открытие надписей представляет ныне особенную редкость), монеты, черепки, украшенные рисунками, архитектурные обломки и множество мелких изящной работы вещей, что в пепелищах скрыты еще памятники древностей, необходимо прийти к заключению, что археологические изыскания на почве древней Пантикеи следует продолжать с неменьшою энергию, как они произвелись до сих пор, придав им более системы и, не только включая результаты открытых в журналы работ, но и отмечая на топографическом плане постепенную этих работ последовательность.

Значительное число земляных катакомб, устроенных в глинистом грунте под скалистыми пластами северных скатов горы Митридат от городского кладбища до Золотого кургана и открытых в разное время, привело к убеждению, что едва ли не все они давно уже посещены прежними искателями золота. Вазы с акварельными рисунками преимущественно в них были находимы. К сожалению, оригинальные рисунки эти мгновенно бледнеют и почти исчезают, как только вазы выносятся на воздух. Составляя подражание формам греческих ваз, сосуды эти, судя по цвету и качеству глины, приготовлялись, по-видимому, на месте, а украшающие их акварели не имеют почти никакого сходства с живописью античных ваз, а потому заслуживают особенного сохранения и изучения вместе с фресковой живописью для исторических выводов о племенах, вошедших в состав населения Пантикеи. Катакомбы, украшенные фресковой живописью на стенах, имеют также большой интерес, но их открытие всегда считалось чрезвычайно редкостью.

Земляные катакомбы рассеяны также в большом количестве по полям, прилегающим – на севере к Глинищу, на западе – к равнине вдоль ручья Мелек-Чесме. Весною после таяния снегов от проникающей в них воды их своды обрушаются, и тогда катакомбы обыкновенно расследуются: находки здесь достойных внимания вещей случаются очень редко.

От мыса Ак-Бурун и Керченской крепости в направлении к западу расположена по хребту длинная цепь курганов, от которых и самый хребет получил у татар название Юз-Оба, “Сто могил”. Курганы эти, признаваемые археологами гробницами архонтов древнейшей Пантикеи, были основательно расследованы преимущественно между 1859-62 годами. Но из 15-ти больших курганов только в шести оказались в центрах уцелевшие каменные склепы с галереями, египетской конструкции, построенные из правильно отёсанных массивных камней, добытых на месте самой постройки; в остальных гробница расхищены в давнее время. Так называемые курганы Острый и Песчаный, несмотря на тщательное расследование, остались неразгаданными: в них не оказалось каменных построек. При всём том, открытия, сделанные в нескольких центральных гробницах, доставили много

значительных предметов древности, обогативших Эрмитаж. Но в нерасследованных еще полах этих курганов, по всей вероятности, остаются еще боковые гробницы, которые обещают новые находки, чemu убедительным примером служит открытие в текущем году каменного склепа в разбитом по-видимому кургане за селением Баксы. Опытом дознано, что иногда боковые гробницы в полах курганов оказываются важнее центровых.

Сверх того, с южной стороны горы Юз-Оба, вблизи древних каменоломен находится несколько могильных насыпей, имеющих продолговатые основания и плоские вершины. Прежде принимали их за возвышения, образовавшиеся от накопления щебня при разработке каменоломен, но потом дознано, что некоторые из них заключают в себе гробницы, вырубленные в мягких слоях скалы, и потому в 1863 году подробному расследованию подвергнуты были такие насыпи в 12-ти местах по скатам горы, но результаты этих раскопок оказались маловажны. Впрочем, этими 12-ю местами не ограничиваются гробничные насыпи на южном склоне хребта Юз-Оба, они залегают и далее в направлении к востоку, к крепостным укреплениям.

Курганные возвышения на горе Митридат, а также внутри города и на ближайших его окраинах по течению реки Мелек-Чесме, у здания арестантского отделения, вдоль шоссейной дороги к карантину и за обширным предместьем города – Глинищем – представляются ныне или совершенно разрушенными, или разрытыми до такой степени, что дальнейшее расследование их не обещает успеха, при том, большую частью эти курганы поступили в собственность городских обывателей, окружены постройками, садами и огородами, а потому недоступны для свободных раскопок. Сами же владельцы таких местностей не занимаются раскопками, а в случае обнаружения признаков древних гробниц охотнее сообщают о том Музей в надежде получить вознаграждение. Притом, местное городское Управление при отводе земли в частное владение подтверждает в данных записях особое, изданное для Керчи постановление, на основании которого все владельцы обязаны немедленно заявить начальству города или директору Музея о всех случайных находках и открытиях на их участках.

Кроме сплошных могильных насыпей Митридатовой горы, обширные древние народные кладбища находятся и в других местах керченских окрестностей. Таковы насыпи, покрывающие обширную часть города – Глинище, или расположенные вблизи городских присёлков – Катерлес, Булганак, Джарджава, близ Нового карантина, в окрестностях Ени-кале. В большей части этих насыпей в разное время производились разыскания и разведки, но, говоря сравнительно, более успешными оказались расследования по обеим сторонам шоссейной дороги, идущей к карантину, и близ казармы арестантского отделения. Но и эти места следуют ныне признать значительно истощёнными и производить на них новые раскопки

можно только разве на удачу или, по местному выражению, “на счастье”. Менее всего подвергались разысканиям насыпи в окрестностях Ени-кале и селения Баксы по отдаленности этих мест (12 вёрст от Керчи), а также у селений Катерлес и Джарджава. В настоящее время необходимо прийти к убеждению, что классическая почва окрестностей Керчи после непрерывных поисков в течение нескольких десятков лет значительно истощилась, и, если в последние годы изыскания оказывались большою частью малоуспешными, то главною причиной тому следует признать недостаток не тронутых ещё могильных насыпей вообще, хотя и нельзя отрицать, что и в тех, которые уже известны, по временам попадаются вещи, заслуживающие полного внимания археологов.

Немаловажное препятствие к свободному во всякое время выбору в окрестностях Керчи мест для производства расследований явилось в последние годы распоряжение городского управления, по которому вся пригородная земля градоначальства распределена на мелкие участки в пользование жителей.

Но в замен того, тотчас же за пределами градоначальства на землях частных владельцев по берегам Чёрного и Азовского морей, даже в глубине Керченского полуострова, встречаются многочисленные курганные насыпи и пепелища на местах древних греческих поселений, валы, развалины урочищ. Эти места ждут ещё своих исследователей. Большая часть курганов на землях частных владельцев или никем не копаны, или разрыты весьма поверхностно. До сих пор только немногие местности подвергались правильному расследованию, в смысле археологическом. Таковы были изыскания в окрестностях селения Эльтиген, в 16-ти верстах от Керчи, производившиеся с 1876 по 1881 годы в течение пяти лет от Керченского музея, изыскания, записанные в журнале работ, следственно (т.е. следовательно – Ю.В.) составившие материал для археологии края. Такого же рода, хотя и безуспешны, были раскопки близ азовского берега при деревне Копрома и на кургане Кара-Оба у селения Тюркмен, недалеко от Керчи.

Главное препятствие к свободному расследованию подобных мест вне градоначальства состоит в том, что частные владельцы требуют иногда несоразмерно высокой платы за предоставление права производить на их земле раскопки, успех которых быть может ещё сомнителен. Впрочем, некоторые землевладельцы (г. Абазали – дер. Тюркмен, г. Айваз-оглу – дер. Кармыш-келечи, верстах в 45 от Керчи по Феодосийской дороге, весьма интересная местность) изъявляют готовность предоставить это право и на том лишь основании, если за вещи, открываемые на их земле, вознаграждение будет им определяемо по усмотрению самой Археологической комиссии.

Из числа местностей, замечательных в археологическом отношении, можно назвать, например, земли разных владельцев на продолжении

береговой полосы Чёрного моря к югу от Керчи: за селением Эльтиген, где ещё уцелели курганные возвышения (владельцы – гг. Гурьевы, барон Рот, наслед. Митрова, Симонов), далее у мыса Такиль (г. Антонович), где видны следы греческого поселения Акра, затем на восточном и западном склонах горы Опук, куда приурочивают древние города Киммерион и Китею; далее на юго-западе близ кордона и мыса Таш-Качик заметны следы греческой колонии Казека, лежавшей (судя по остаткам фундаментов на краях берега, обрушенного прибоем волн, по вырубленным в скалистых пластах гробницам) в углублении залива насупротив города Феодосии, расположенной у южной его окраины.

Основанная, как известно, переселенцами Милета за 600 лет до Р.Х. и впоследствии завоеванная босфорским царём Левконом I, Феодосия пользовалась большим значением между босфорскими городами в продолжении правления династии Спартокидов. Почва этого города скрывает в себе памятники своей древней истории. Раскопки князя Сибирского в 1852 году обнаружили замечательные находки с признаками изящного аттического стиля; г-ном Айвазовским по поручению графа Л.А. Перовского в 1853 году найдены в одном кургане превосходные золотые вещи. Затем следовали раскопки директора Керченского музея А.Е. Люценко в конце 1856 года. Вследствие распоряжений графа Льва Алексеевича, г. директор в ноябре 1854 года, в обратный проезд свой в Керчь, осматривал курганы, расположенные на гребне гор, окружающих город Феодосию и его бухту в виде амфитеатра от часовни св. Илии до Лысой горы, и несколько второстепенных курганов и насыпей, занимающих отдалённые пункты на скатах, и определил число самых замечательных до 50, большую частью поверхности раскопанных, особенно состоящих из каменистых насыпей. Самые же работы были им предприняты только по окончанию Крымской войны, в конце 1856 года, и производились лишь один месяц, с 8 октября по 9 ноября, при обстоятельствах неблагоприятных, к числу которых следует отнести недостаток рабочего инструмента и опытных землевкопов, которых пришлось заменить гарнизонными солдатами, не говоря уже о бурной и ненастной погоде столь позднего времени. При всём том было расследовано 17 курганов или, лучше сказать, насыпей, имевших высоту лишь от одного до трёх аршин. Результат этих раскопок был весьма ограниченный (золотая застёжка, такой же перстень, повреждённые огнем, бронзовая урна, электровая застёжка, серебряное кольцо, черепки ваз). Более основательные расследования предположено было возобновить в другое время. С тех пор, однако, раскопки в окрестностях Феодосии не возобновлялись, если не придавать какого-либо значения случайным нападениям разных искателей кладов (турок, греков местных и анатольских), которым, к сожалению, городская управа разрешает (разре-

шала – Ю.В.) бывало делать поиски. Тем настоятельнее задача – заняться основательным расследованием древних насыпей и курганов, рассеянных по нагорным возвышенностям вокруг Феодосии, что с этим находится в связи разрешение некоторых археологических вопросов (место древней колонии, παλάιος λίμην и пр.) и вероятность новых открытий.

Обширное поле для исследований археологических представляет Таманский полуостров, эта важнейшая часть Босфорского царства, где в отдалённой древности возникли значительные греческие города. Раскопки здесь начались ещё в конце прошедшего столетия и, продолжаясь до настоящего времени, ещё не истощили богатой почвы этой страны, замечательной в отношении к её истории, географии и геологии. Но что особенно важно: все производившиеся там расследования до сих пор не привели к положительным заключениям относительно распределения древних уро-чищ и городов, имена которых упоминаются у древних писателей. Одно это последнее обстоятельство, эта неразрешённая задача, не говоря о многих открытиях, о замечательных находках, повторяющихся из года в год, пред-ставляет достаточное основание, чтобы археологические исследования на Таманском полуострове продолжались с неослабною ревностию и не оставляли бы ни одного выдающегося памятника в неизвестности, включая не только находимые вещи, но и курганы, насыпи, валы и другие сооружения, оставшиеся от древности и требующие подробного описания.

В 1873 году составлена была опись городищ, батарей, курганов и сплошных насыпей, рассеянных на полуострове и подлежащих расследова-нию, вместе с теми более замечательные уро-чища и курганы сняты на план. Ведомость уро-чищ представлена в Императорскую археологическую ком-миссию при донесении директора музея от 5 декабря 1873 года за № 95².

Принимая в основание изложенное выше краткое обозрение совре-менного состояния древних пепелищ, курганов и насыпей на обоих бе-регах Керченского пролива и на продолжении берега Чёрного моря до Феодосии, сохраняя притом за Керчью преимущества образовавшегося здесь центра археологических изысканий на юге России, можно предполо-жить следующую программу дальнейших раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и близ Феодосии.

A. В окрестностях Керчи

1. Расследование пепелищ на поверхности горы Митридат от верши-ны ея на востоке и далее к западу, особенно в соседстве с городским кладбищем, для чего потребуются, однако, более многочисленные средства, нежели те, какими обыкновенно располагает музей.
2. В остающихся нерасследованными могильных насыпях, покрыва-

²Этот документ в Научном архиве ИИМК РАН пока обнаружить не удалось.

ющих северную и южную покатости той же горы, на продолжении оной к западу от городского кладбища, причём пройденные пространства и краткое указание результатов работ следовало бы означать на топографическом плане, намечая постепенно на том же плане результаты раскопок прежнего времени по сохранившимся в журналах описаниям.

3. Расследование катакомб на северной покатости горы Митридат с целью открытия фресок.
4. В боковых нерасследованных полах курганов, расположенных цепью на хребте Юз-Оба от Керченской крепости к западу до границы, отделяющей городскую землю от дачи Багера.
5. В сплошных могильных насыпях, расположенных поблизости селений Катерлес, Джарджава, Баксы.
6. В курганах и насыпях в окрестности Ени-кале и близ Маяка (древний Парфенион или Порфмийон).
7. Вступая в соглашение с владельцами этих мест вне градоначальства, которые подают надежду на успех археологических изысканий, постепенно проследовать (исследовать – Ю.В.) все замечательные древние урочища в Крыму.

Б. На Таманском полуострове

1. Расследование центральной части, а также боковых – северной и северо-восточной – значительного кургана Большая Близница, лежащего на горном хребте в 10 верстах от станции Сенной и в 5-ти от станции Стеблеевки. Замечательные открытия, сделанные в 1864-66 годах в юго-западной и южной полах этого громадного кургана, сопровождались превосходными золотыми и другими находками. Тогда же для более успешного хода расследований верхняя часть этого кургана была снята почти до половины его высоты и свезена по сторонам, но затем раскопки были прекращены. Ныне этот курган имеет вид усечённого конуса высотою до 3-х и не более 3,5 сажен от материка, а потому доследование его в центре и остальных полах значительно облегчено.
2. Расследование соседнего с предыдущим кургана Малой Близницы в текущем году привело к открытию центровой жёлтой гробницы, в полах произведены основательные разведки. Но по внимательном обсуждении результата всех раскопок прежних и текущего года, следовало бы произвести ещё одну разведку с южной стороны кургана в направлении к разорённой каменной гробнице близ центра, следы которой открыты были ещё в 1866 году.
3. В боковых частях курганов, расположенных от Близниц к западу, на продолжении хребта, разделённого глубокими долами, по возвы-

шенностям носящим названия Васюриной горы, Маркитантской, Карабетовой и др.

4. В городищах, в так называемых батарейках и курганах, находящихся при разных урочищах между Таманью, Цукурским лиманом и Бугазом под разными названиями: хутора – Фрия, Капустина (городище и земляной вал), Паливоды и др. Для основательного определения этих мест необходим предварительный, подробный их осмотр.
 5. В боковых частях курганов вокруг станции Сенной и по берегу Таманского залива.
 6. В курганах, рассеянных в окрестности станций Старо-Титоровской, Стеблеевской и Ахтанизовской.
 7. В селении Фонтан и его окрестностях.
- В окрестностях Феодосии
1. В пепелищах, расположенных к югу от верхней дороги в Карантин.
 2. В курганах и насыпях на гребне гор, окружающих город и бухту от восточной старой стены Карантин до рыбного завода, до часовни св. Илии и далее по хребту до Лысой горы.
 3. В других местностях по ближайшем осмотре».

Краткая записка, подготовленная Н.П. Кондаковым, и пространный документ, составленный С.И. Веребрюсовым, как нетрудно заметить, в чём-то соглашаются друг с другом, а в чём-то серьёзно расходятся. Прежде всего, внимание Н.П. Кондакова было сосредоточено исключительно на крупных курганах, расположенных в отдалённых от Керчи местностях, а также на поисках расписных катакомб. С.И. Веребрюсов тоже считал их изучение чрезвычайно важным, но он к тому же признавал значение таких археологических памятников, как древние поселения, батарейки и урочища, а также валы Керченского и Таманского полуостровов. Как бывший директор Феодосийского музея, он дал довольно основательное описание археологических памятников Феодосии и её окрестностей, чего до него никто не делал, подвёл итог археологического изучения этой местности и предложил программу дальнейших работ. Но в какой степени эти предложения были воплощены в жизнь или, правильнее сказать, в какой степени они вообще могли быть реализованы Археологической комиссией? Для ответа на эти вопросы обратимся к конкретным фактам, связанным с изучением памятников Боспора Киммерийского в 1882–1886 гг.

3.2. Изучение боспорских курганов и грунтовых некрополей

С.И. Веребрюсов, как частично говорилось выше, продолжал раскопки курганов, следуя правилам А.Е. Люценко. Он начинал их ранней весной на сплошных могильных насыпях склонов горы Митридат, затем переносил на

Глава III

более отдалённые от Керчи территории, на Таманский полуостров и, наконец, поздней осенью возвращался, так сказать, к исходной точке. О сколько-нибудь серьёзных попытках реализации предложенной им программы археологического изучения памятников Боспора говорить вряд ли возможно. Как уже было сказано, исследователь скончался в ночь с 6 на 7 марта 1884 г., и на его место был назначен Ф.И. Гросс [1884 г., д. 11], занимавший эту должность до 1889 г. С его деятельностью связано некоторое усиление интереса к изучению боспорских городищ и грунтовых некрополей, в чём, возможно, следует видеть влияние С.И. Веребрюсова, но в плане раскопок курганов он придерживался устоявшейся, вполне оправдавшей себя системы.

Н.П. Кондаков, согласно сформулированной им задаче, активнейшим образом принял участие за исследование и доследование больших боспорских курганов. Он безрезультатно копал Песчаный курган у селения Капканы [1883 г., д. 23, л. 7], начало изучению которого положил ещё А.Е. Люценко в 1858 г. (см. главу 1.4), затем Н.П. Кондаков провёл раскопки *Острого кургана* на хребте ЮЗ-Оба, тоже в своё время исследовавшегося А.Е. Люценко (см. главу 2.5), и не нашел здесь даже признаков гробницы [1883 г., д. 23, л. 7; 1885 г., д. 23, л. 8-9]. Более успешными были его работы на *Змеином кургане* в западной части ЮЗ-Обы, который в своё время раскапывал А.Б. Ашик [Ашик, 1848, с. 40; см. также: ОАК, 1882-1888, с. XXXI-XXXII, LXXXIII; 1889, с. 11 сл.]. В основании насыпи Н.П. Кондаков обнаружил «два скелета, лежавшие поперёк один другого, по-видимому, двух рабов» рядом с которыми была найдена чашечка из грубой глины и обломки железного ножа [1883 г., д. 1, л. 8]. От этого места по материку фиксировался сплошной слой амфорных черепков, затем костёр от тризы с большим количеством бычьих и рыбьих костей. В особо вырытых ямках были обнаружены аттические чернолаковые и краснофигурные сосуды, а отдельно от них, между поставленными на ребро камнями, стояли краснофигурная ойнохоя и лекиф с рельефным орнаментом, изображающим сцену охоты. В отношении лекифа Н.П. Кондаков заметил, что его орнаментация «является настолько близкой по теме и самой композиции к знаменитой вазе Ксенофанта Афинянина эрмитажного собрания, как повторение или заимствование» [1883 г., д. 1, л. 9]. Надо признать, что исследователь не ошибся, и расчистка этого лекифа обнаружила здесь подпись мастера Ксенофанта [Передольская, 1945, с. 54; см.: Виноградов, 2007б, с. 8]. Раскопки 1885 г. не дали никаких результатов, и Н.П. Кондаков посчитал исследование Змеиного кургана законченным [1885 г., д. 23, л. 8].

Наиболее яркое открытие в Восточном Крыму было сделано Н.П. Кондаковым при раскопках кургана около села Баксы (*совр. Глазовка*) в 1882 и 1883 гг. [1882 г., д. 19, л. 13-19; 1883 г., д. 23, л. 6; см.: ОАК, 1882-1888, с. IV-VIII, XXX-XXXI]. Насыпь этого кургана была сооружена из камня и с северной стороны укреплена шестью последовательно построенными стенами, так что склеп здесь находился почти как в «матрёшке». Высота насыпи составляла около 11 м, окружность

основания – 190 м. Большая гробница ($4,30 \times 3,60$ м, высота – 5,30 м) имела уступчатое перекрытие (рис. 64); в ней находился упавший деревянный саркофаг с резными украшениями, янтарными и костяными вставками. Любопытно, что внутри него не сохранилось костных остатков, но были обнаружены: железный меч в ножнах с золотой обкладкой, бронзовый стригиль и два деревянных «посоха», один из которых украшен головой лошади. В склепе находились также захоронения трёх коней с довольно простой уздой. Вообще погребальный инвентарь не отличается особенной роскошью, из золотых вещей (помимо украшений меча) здесь найдено всего несколько бляшек. Тем не менее, в насыпи кургана были обнаружены обломки большого краснофигурного кратера, а в самом склепе – прекрасная краснофигурная пелика. Отсутствие единого стиля в украшениях и других предметах сопровождающего инвентаря, найденных в склепе, а также потревоженность праха погребённого (суставы пальцев обнаружены в дромосе) дали автору раскопок возможность считать, что в склепе были совершены два разновременных захоронения [см. также: ОАК, 1882-1888, с. VII; Rostowzew, 1931, S. 348-349; Gajdukevič, 1971, S. 277; Виноградов, 2005, с. 249-250, 268]. К более раннему, как считается, относится краснофигурная пелика, которая датируется концом V в. до н.э. [Горбунова, Передольская, 1961, с. 107, рис. 52; Передольская, 1971, с. 54], а также обнаруженный в насыпи разбитый краснофигурный кратер, который тоже датируется концом V в. до н.э. или чуть более поздним временем [Shefton, 1982, p.149].

По мнению Н.П. Кондакова, второе погребение было совершено на четыре или пять столетий позднее [1882 г., д. 19, л. 15], что представляется крайне маловероятным. Внимательное рассмотрение материалов раскопок вообще позволяет усомниться в обоснованности точки зрения о двух захоронениях в кургане Баксы [ср.: Ростовцев, 1925, с. 395]. Разностильность вещей, как известно, является характерной чертой, в особенности для греко-варварских погребальных комплексов, по этой причине можно предположить, что в кургане у села Баксы был погребён кто-нибудь из самых высокопоставленных лиц Боспорского государства первой половины IV в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 395]. Курганы этого времени вообще не очень богаты драгоценными предметами, во всяком случае, по этому показателю они значительно скромней комплексов второй половины столетия. К тому же склеп Баксинского кургана подвергался ремонту (разобран дромос, специальной кладкой обложена западная стена), во время которого часть самых дорогих вещей из него могли просто вынести. На мой взгляд, есть вероятность того, что в склепе этого кургана был погребён Сатир I (умер в 389/88 г. до н.э.) [Виноградов, 2011б]. При таком понимании, учитывая явные варварские черты погребального обряда, придётся считать, что вопрос о варварском (фракийском) происхождении Спартокидов вполне доказан, но такое ответственное заключение, конечно, нуждается в дополнительной аргументации.

Важным начинанием в деле изучения боспорских древностей стали работы Ф.И. Гросса на некрополе Мирмекия. В 1885 г. он предпринял раскопки на

Глава III

обширном грунтовом могильнике, лежащем в полуверсте к северо-востоку от городища, около дороги на Еникале, а также на двух расположенных там курганах [ОАК, 1882-88, с. IX-X]. В общей сложности здесь было выявлено 36 гробниц, которые, по выражению исследователя, заключали останки людей «бедного класса». Тем не менее, некоторые из обнаруженных там вещей относятся, по заключению автора, «ко времени процветания греческого искусства». Исследования под Мирмекием представлялись Ф.И. Гроссу вполне перспективными, по этому поводу он специально отметил: «Гробницы же богатых лиц, как следует полагать, находились тут в курганах, которые, однако же, все разрыты, но, несмотря на это, в них могут быть ещё уцелевшие гробницы» [1885 г., д. 10, л. 9].

Что касается раскопок на Таманском полуострове, то в 1882 г. В.Г. Тизенгаузен продолжил исследования курганов под Анапой (рис. 65), но они были не столь удачными, как в 1881 г. (см. главу 2.7). Более успешными оказались раскопки к северу от Анапы, по дороге в Витязевку, около станицы Благовещенской, где был исследован курган, в котором открыт большой каменный склеп с полуцилиндрическим сводом [рис. 66-67; ОАК, 1882-88, с. XX-XXII]. По наблюдению исследователя, грабители посетили этот склеп в древности и унесли из него почти всё самое ценное, но находившееся там погребение женщины практически не тронули. Покойная была положена в деревянный саркофаг, украшенный фризом с изображением Нереид, везущих доспехи Ахиллу [см.: Сокольский, 1969, с. 29-31, № 21, табл. 13]. Среди хорошо датированных находок, происходящих из этого комплекса, представлена золотая монета царя Лисимаха. Н.П. Кондаков считал, что курган около станицы Благовещенской относится к III в. до н.э. [ОАК, 1882-88, с. 59], и с ним в целом можно согласиться. М.И. Ростовцев полагал, что курган был возведён не ранее первой половины III в. до н.э. [Ростовцев, 1914а, с. 111], а М. Пфроммер датирует его серединой этого столетия [Pfrommer, 1990, S. 262].

В 1883 г. петербургский археолог провёл раскопки около станиц Гостогаевской и Николаевской [1883 г., д. 22]. Что касается курганов на землях станицы Николаевской, то в расположенной здесь курганной группе были раскопаны три самых больших кургана, вошедшие в науку под названием Тарасовских по имени владелицы земли Е.Н. Тарасовой. В каждом из них был открыт прекрасно сложенный каменный склеп, но все они, по выражению автора раскопок, были «доистра ограблены» [ОАК, 1882-1888, с. XXIX-XXX]. М.И. Ростовцев по этому поводу, правда, с горечью заметил, что сомнительно, чтобы «ни в одном из трёх сооружений не сохранилось ни одного черепка» [Ростовцев, 1914а, с. 109].

Большой научный интерес представляет также исследованный В.Г. Тизенгаузеном курган Султан-гора под Гостогаевской станицей, достигавший в высоту 10 м при окружности основания около 213 м. Здесь был открыт каменный склеп, состоящий из двух погребальных камер с уступчатым перекрытием, а также ещё одной камеры с плитовым перекрытием, в которой, вероятнее всего, находились захоронения коней [1883 г., д 22, л. 8-9; см.: ОАК, 1882-1888, с. XXVII-XXIX]. М.И. Ростовцев

полагал, что сохранившееся описание не позволяет судить об этом склепе сколько-либо серьёзно [Ростовцев, 1914а, с. 111]. Тем не менее можно предполагать, что курган относится к IV в. до н.э. и, в общем, даёт важную дополнительную информацию о культуре местной племенной знати в составе Боспорского государства.

Раскопки В.Г. Тизенгаузена под Анапой были закончены в местности, носившей название «Под акациями». Здесь он предпринял исследования в полах некоторых из курганов, после чего переправился в Керчь и 26 октября 1883 г. сдал весь свой археологический инвентарь в Музей древностей [1883 г., д. 22, л. 11]. После этого никаких раскопок на берегах Керченского пролива учёный больше не проводил.

В 1882 г. С.И. Веребрюсов провёл раскопки на *Малой Близнице* (рис. 68), исследования которой, как уже сказано, были начаты одновременно с Большой Близницей в 1864 г., но долгое время не давали результатов (см. главу 2.6). С.И. Веребрюсову, наконец, удалось открыть здесь весьма любопытную и довольно богатую кремацию. Долгое время этот комплекс считали относительно поздним. Так, Н.П. Кондаков полагал, что погребение следует относить к III в. до н.э. [ОАК, 1882-1888, с. 74], а М.И. Ростовцев посчитал даже, что в нём нет вещей, которые можно было бы датировать ранее конца III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 375; Rostowzew, 1931, S. 333]. Имеющийся материал, однако, позволяет спорить с этой хронологической атрибуцией и предложить другую – первая половина IV в. до н.э. [Виноградов, 2004б, с. 102].

Выше говорилось (см. главу 2.5), что в 1883 г. С.И. Веребрюсов предпринял исследования Большой Близницы и открыл здесь неразграбленную гробницу № 5 [ОАК, 1882-1888, с. XXXVIII-XXXIX]. В 1884 г., после его смерти, эти раскопки были продолжены новым директором Керченского музея Ф.И. Гроссом в единственной оставшейся нерасследованной северо-западной части насыпи, но никаких погребений здесь обнаружить не удалось [1884 г., д. 47, л. 9, 25]. Раскопки 1885 г. тоже не привели к открытиям новых погребальных памятников, что позволило исследователю сделать заключение, что Большая Близница уже полностью изучена [1885 г., д. 10, л. 7 сл.].

С.И. Веребрюсов считал необходимым исследование курганов, расположенных на Таманском полуострове около станиц *Титоровской* и *Стеблиевской* [1883 г., д. 3, л. 55], и, как говорилось выше, эти раскопки в небольших объемах здесь были проведены (см. главу 2.7). Ф.И. Гросс продолжил исследования на обозначенной территории [1884 г., д. 47, л. 26-27]. Он также провёл раскопки курганов, лежащих на возвышенности в 4 верстах к востоку от *Тамани*, а кроме того – по дороге на *Тузлу* [1885 г., д. 10, л. 6, 31-32]. Его общий вывод по этому поводу сводится к тому, что «курганы, находящиеся на востоке от станицы (Тамань – Ю.В.) по направлению к Цокурскому лиману и Бугазу, большую частью скифские³, эллинские же на западе от Тамани, из них многие ещё не раскопаны» [1885 г., д. 10, л. 32].

³ Скифскими Ф.И. Гросс, скорее всего, считал курганы, относящиеся к эпохе бронзы. Выше уже

Глава III

В 1885 г. раскопки под *Старотиторовской* были проведены Н.П. Кондаковым, работы которого были сосредоточены в трёх пунктах: на холмистой возвышенности, идущей вдоль Ахтанизовского лимана; на таком же хребте, идущем от Цокурского лимана к горе Нефтяной; в долине между этими возвышенностями, к западу от Титоровки [1885 г., д. 23, л. 6; см.: ОАК, 1882-1888, с. LXXXI-LXXXII]. Сам автор признал эти работы крайне неудачными, поскольку в первой группе курганы уже были разрыты, как он посчитал, в 40 годах XIX в., а во второй были обнаружены костяки, окрашенные красной краской, не представлявшие для него никакого интереса. После этого Н.П. Кондаков перешёл на *Буерову могилу*, раскопанную в своё время И.Е. Забелиным (см. главу 2.7), где предполагал обнаружить захоронения в полах этого огромного кургана. Смелые надежды исследователя, однако, оказались напрасными [1885 г., д. 23, л. 7; см.: ОАК, 1882-1888, с. LXXXII].

говорилось, что основанием для такой атрибуции послужила их бедность, наличие в могилах лишь грубой керамической посуды, подстилок из морской травы и пр.

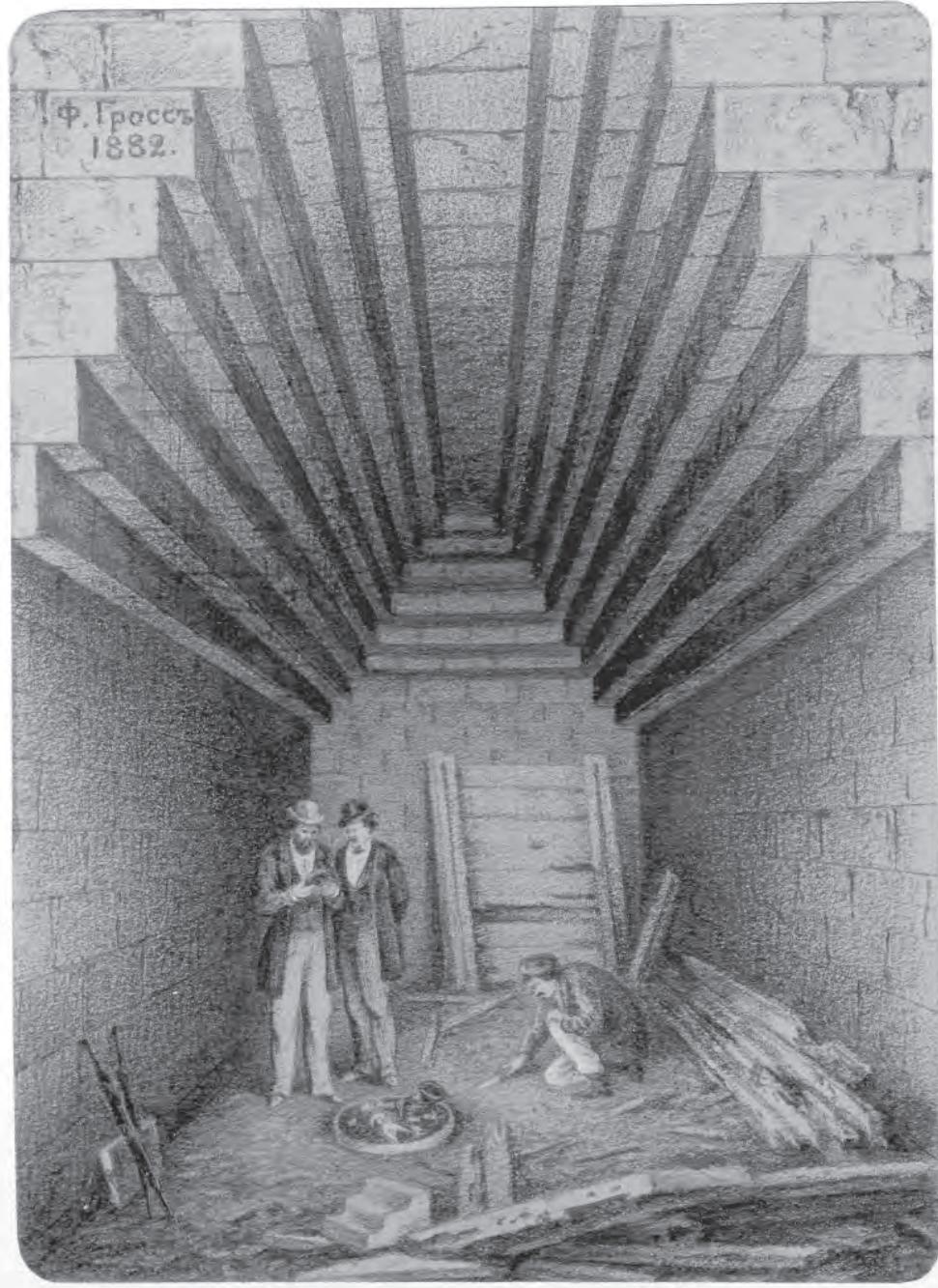

Рис. 64. Внутренний вид склепа в кургане у села Баксы [Р. 1, № 569, л. 7].

Рис. 65. Анапский курган 1882 г., вид с северо-запада [Р. 1, № 569, л. 1].

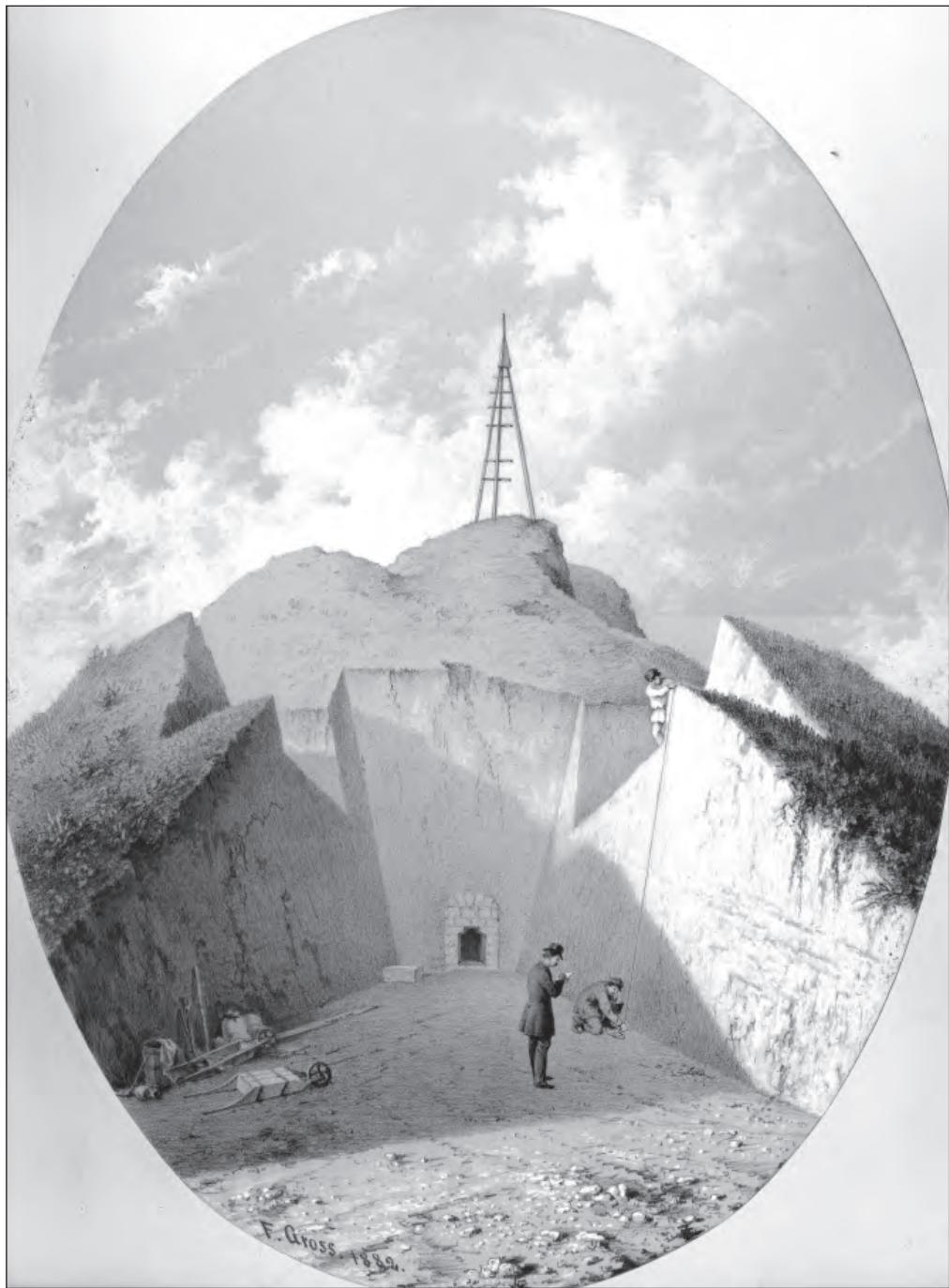

Рис. 66. Раскопки кургана у станицы Благовещенской в 1882 г. [Р. 1, № 569, л. 2].

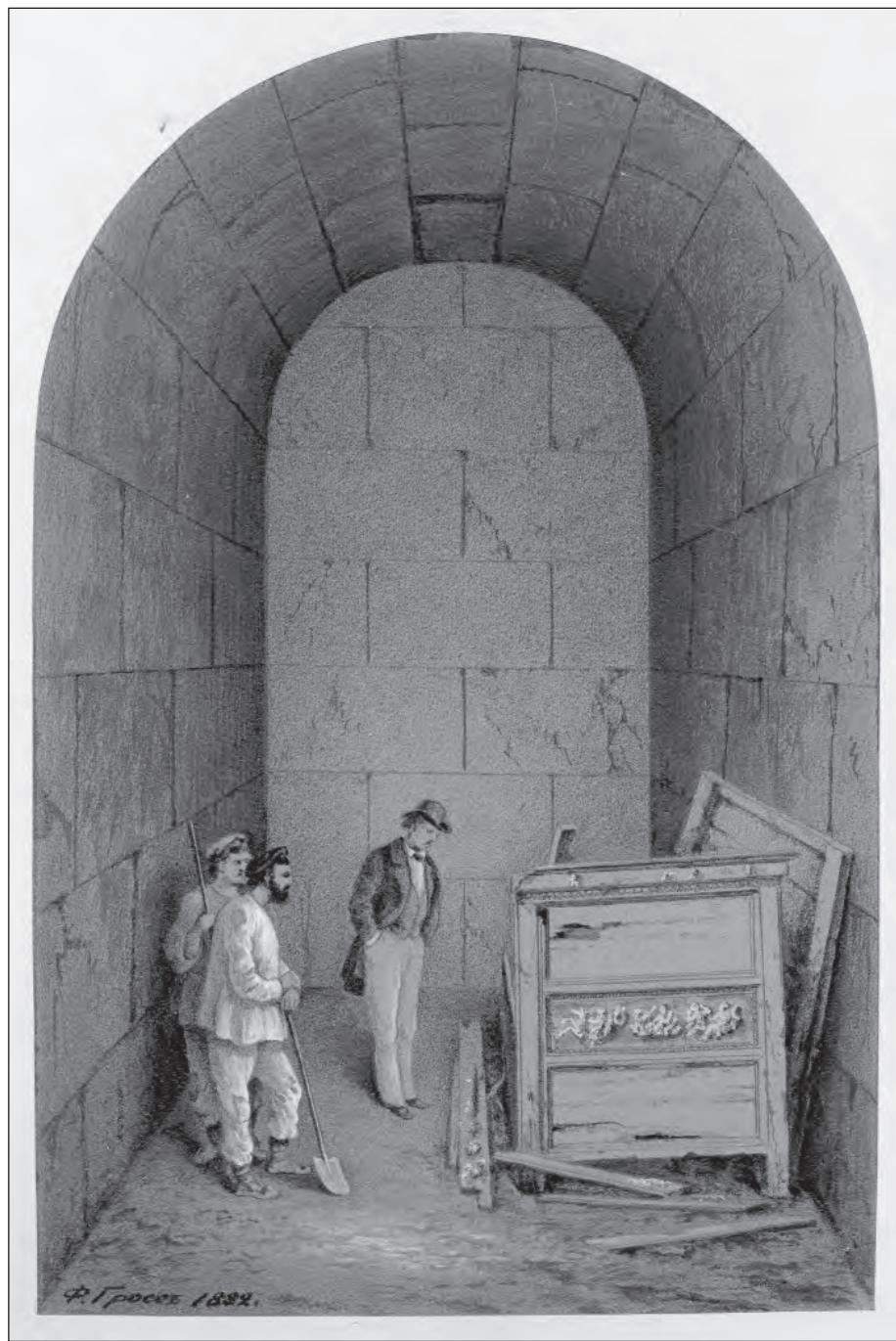

Рис. 67. Внутренний вид склепа кургана у станицы Благовещенской [Р. 1, № 569, л. 3].

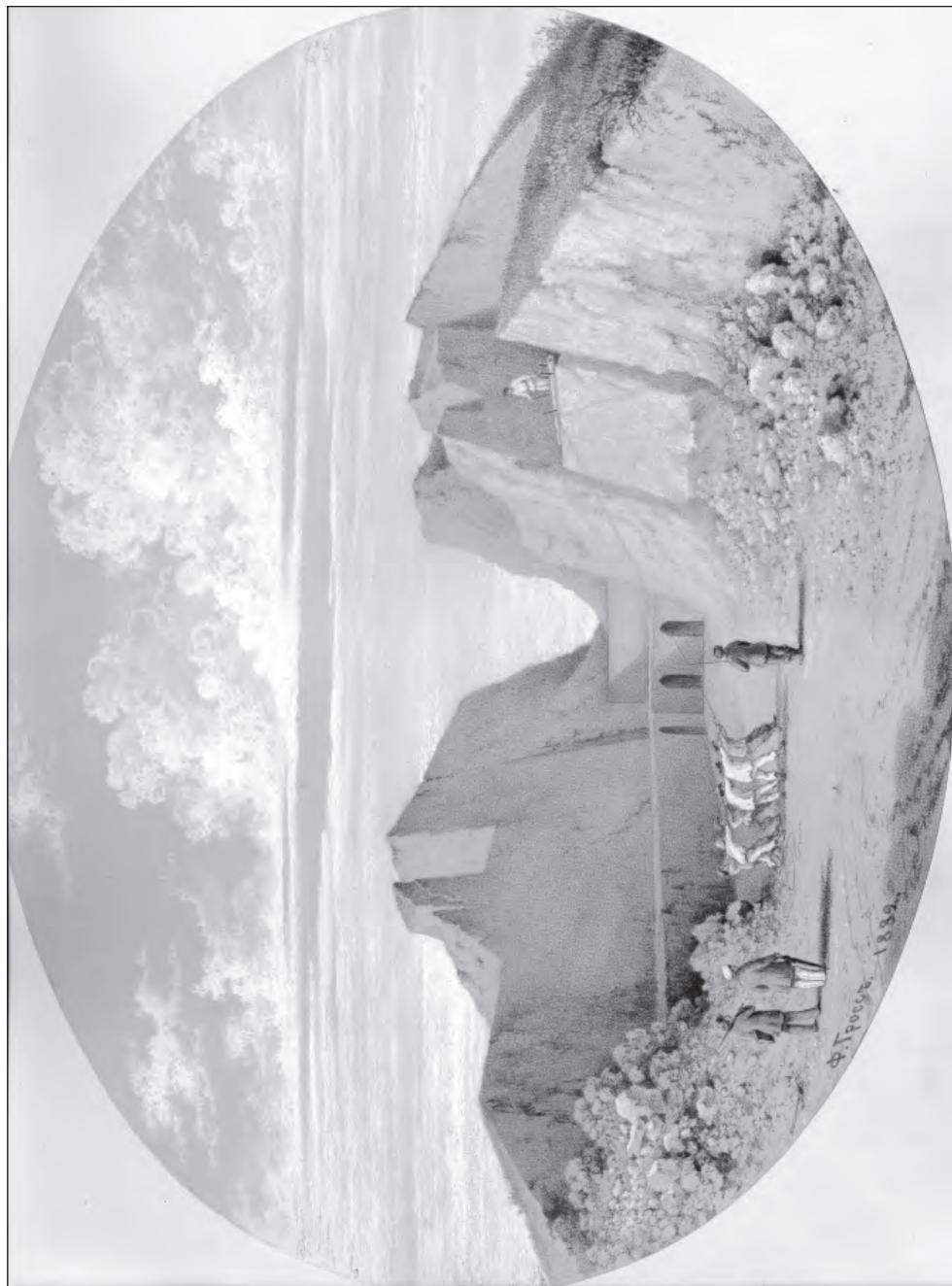

Рис. 68. Раскопки Малой Близницы в 1882 г. [П. 1, № 569, л. 4].

3.3. Программа раскопок Ф.И. Гросса

После смерти С.И. Веребрюсова (1884 г.) директором Керченского музея, как уже было сказано, стал его заместитель Ф.И. Гросс [о нём см.: Лазенкова, 2003, с. 33 сл.]. Он вскоре направил в С-Петербург краткую, но весьма любопытную для истории боспорской археологии записку. Ф.И. Гросс назвал её «Программа раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове в 1885 году». Приведу этот документ полностью [1885 г., д. 10, л. 3-4]:

«Желая при производстве Археологических (с большой буквы слово написано в источнике – Ю.В.) разысканий открыть также памятники палеографические, пластического и строительного искусства, дополняющих историю Босфорского царства, я намерен, независимо от раскопок курганов и сплошных могильных мест, произвести также раскопки в пепелищах на горе Митридат, в которых уже много было открыто замечательных памятников древности. И мною также в 1876 году была открыта плита с замечательною эллинскою надписью, повествующей о босфорском царе Перисаде III⁴, о котором до открытия этой плиты в истории Босфора ещё не было известно, то по всему этому можно предположить, что в этих ещё очень мало расследованных пепелищах всё ещё кроются интересные памятники для науки. Затем, кроме упомянутых пепелищ, находятся ещё во многих местах в окрестностях Керчи пепелища ещё очень мало расследованные, и большинство оных ещё совершенно не тронуты разысканиями.

Вот перечень оных:

1. Пепелище древнего Мирмекиона находится за Керченским карантином у берега моря, в котором мною давно замечена древняя кладка, занесённая морским песком и подходящая под пепелище, вышиною более двух саженей. В остатках этой каменной кладки могут быть заложены (как это неоднократно встречалось) плиты с надписями или другие фрагменты, употреблённые в числе прочего строевого камня.
2. В двух верстах далее к востоку по направлению к Ени-кале, на скалистом мысу Змеиного Городка, где в настоящее время находится кордон береговой стражи, также находится пепелище ещё совершенно нетронутое.
3. Далее у самого Ени-кале и находящегося вблизи татарского аула Ян-Кой находятся тоже древние пепелища, в которых часто татары того аула находят монеты.

⁴ См. главу 2.10. Имеется в виду посвящение Афродите Урании за архонта и царя Перисада, царицу Камасарию и за Аргота [КБН, 75]. Перисад III правил приблизительно в 180-170 гг. до н.э. [Vinogradov, 1993, S. 223].

4. Пепелище древнего Ахиллеона у Еникальского маяка, при селении Маяки.
5. Пепелище на Темир-горе.
6. Пепелище вокруг скалистого холма к западу, за селением Катерлес.
7. Пепелище на гребне горы при Золотом кургане.

Раскопки в сплошных могильных насыпях, равно и в пепелищах, я намерен произвести весною и осенью. На летний же сезон я намерен отпра- виться с артелями в Тамань для расследования там курганов, находящихся в отдалённых от Тамани окрестностях, по направлению к мысу Панагия и Бугазу, где разыскателями ещё раскопки не производились».

Простим Ф.И. Грессу, что древний Ахиллий он размещал на европейской стороне Боспора, рядом с Маяком, хотя Страбон свидетельствует, что тот находился на азиатской, напротив Мирмекия и Парфения (Strab. XI. 2. 6). Автор своими глазами видел немало остатков древних поселений, которые представлялись ему достойными для проведения археологических раскопок. Другое дело, что цель этих раскопок он видел, в основном, в добывании каменных плит с надписями.

3.4. Изучение городищ

Пантиканей

В декабре 1882 г. керченский мещанин Савелий Борзых на горе Митридат за городским кладбищем случайно нашёл обломок верхней части женской мраморной статуи (высотой 0,90 м), голова которой была украшена венком. Несмотря на сильные морозы, раскопки на этом участке были начаты незамедлительно, в результате чего была вскрыта площадь почти 110 кв. метров, в центре которой был открыт каменный фундамент какой-то постройки. Рядом с фундаментом были обнаружены куски мрамора, каменные плиты с архитектурным декором и пр. [1882 г., д. 7, л. 24; см.: ОАК, 1882-1888, с. XXXIII-XXXIV]. Сразу было высказано предположение, что здесь находился древний храм, и, по рекомендации председателя Археологической комиссии, исследования на участке были продолжены весной 1883 г. Раскоп был расширен до 400 кв. саженей (1820 кв. м!), слой вскрыт на глубину до 1,40 м. В результате этих работ были открыты остатки фундаментов, по поводу которых С.И. Веребрюсов писал, что они «по плохой конструкции при незначительном протяжении не могли принадлежать каким-либо солидным постройкам, а разнообразие в их направлении показывает, что здесь в течение времени одни постройки возводились на месте других, более отдалённого времени, так что следы древнейших сооружений постепенно сглаживались». Однако находки архитектурных деталей и обломков мрамора, по мнению исследователя, «могли быть отнесены ко времени существования здесь страбоновой Пантиканеи» [1883 г., д. 3, л. 14]. Раскопки

Глава III

«пепелищ» Пантикалея были продолжены Ф.И. Гроссом в 1885 г. [1885 г., д. 10, л. 29, 35; см.: Блаватский, 1951, с. 22].

Мирмекий

Ф.И. Гросс, как планировалось в его «Программе раскопок», сделал попытку заняться изучением Мирмекия в 1885 г. [1885 г., д. 10, л. 9, 31; см.: ОАК, 1882-1888, с. LXXXVIII сл.; Гайдукевич, 1941а, с. 102-103; 1959, с. 11 сл.]. Он провёл раскопки в прибрежной юго-восточной части городища и обнаружил каменную стену шириной более метра, которая была признана частью «набережной». В «Программе» сказано, что высота этой набережной составляла более двух саженей, т.е. превышала 4 м, во что верится с трудом. Это открытие могло бы иметь очень большое значение для изучения характера застройки Мирмекия, но никаких оснований для датировки стены у нас, к сожалению, нет. В связи с этим следует признать, что раскопки А.Е. Люценко и Ф.И. Гросса, проведённые на городище, для понимания культуры боспорского города, основных этапов его истории и т.д. не дали практически ничего.

«Пепелища» Таманского полуострова

При А.А. Васильчикове раскопки городищ азиатского Боспора были практически прекращены, даже в Фанагории не было предпринято хотя бы разведочных исследований [Панкратова, 2008б, с. 202]. Тем не менее, при изучении курганов азиатского Боспора археологи, как говорилось выше, время от времени обращали внимание на поселения, расположенные сравнительно далеко от руин крупных древнегреческих городов, к примеру, на берегу Солёного озера или около Титоровки (см. главу 2.10). Эта практика была продолжена, и в 1885 г. Ф.И. Гросс, раскапывавший курганы на возвышенности в 4 верстах к востоку от Тамани (см. главу 3.2), провёл исследование на лежащем рядом с ними древнем поселении. Там был заложен раскоп площадью более 36 кв. м, но среди сделанных находок отмечены всего две амфорные ручки с клеймами [1885 г., д. 10, л. 31].

3.5. Некоторые итоги

Деятельность Археологической комиссии при А.А. Васильчикове (1882–1886 гг.) с формальной стороны развивалась в старых традициях. Приоритет в изучении классических древностей по-прежнему отдавался боспорским курганам, хотя яркие открытия здесь становились всё реже, но, тем не менее, они были (Баксы, Анапский курган). В начале 1883 г. в С-Петербурге была проведена выставка археологических открытых за последние два года, 12 февраля её посетил император Александр III. Было признано, что на этой выставке особенно выделяется «собрание превосходных произведений классического искусства, добытых при раскопках древних пепелищ и курганов в окрестностях Анапы, Керчи и на Таманском полуострове» [1883 г., д. 8, л. 1]. В связи с таким

успехом некоторые сотрудники Археологической комиссии получили награды: С.И. Веребрюсов – орден святой Анны II степени, Ф.И. Гросс – орден Святого Станислава II степени, И.А. Суслов – орден Святого Владимира IV степени, В.Г. Тизенгаузен – годовой оклад в размере 800 руб. [1883 г., д. 8, л. 10].

Признавая важность некоторых археологических открытий этого периода и заслуженность полученных археологами наград, приходится признать и то, что, несмотря на стремление С.И. Веребрюсова и Ф.И. Гросса более активно включиться в изучение городищ и селищ Боспора, в плане практическом в этом направлении почти всё осталось на прежних позициях. Правда, особенно огорчаться этому не приходится, поскольку методика исследований поселенческих памятников тогда была весьма примитивной, раскопки были нацелены на получение лапидарных надписей или произведений искусства (скульптуры, рельефы и т.д.); об изучении истории, социальной структуры или экономики боспорских поселений тогда никто серьёзно не задумывался. К тому же эти раскопки почти не документировались.

Хорошо известно, что при А.А. Васильчикове не было опубликовано ни единого выпуска «Отчётов Императорской археологической комиссии», объединённый том за 1882–1888 гг. увидел свет лишь в 1891 г., что, конечно, следует поставить в вину её председателю. Ещё более критической оценки заслуживает обозначившаяся в это время тенденция оформления археологической документации. Дело в том, что ранее каждый раскопанный погребальный комплекс, даже сравнительно бедный, пусть очень кратко, но описывался отдельно, давалась характеристика сделанных в нём находок и т.д. Теперь же описания почему-то стали даваться обобщёнными, охватывающими сразу целый участок раскопок. Эта тенденция, как представляется, впервые проявилась в отчёте о раскопках 1884 г. близ Арестантских казарм в Керчи. Отчёт сводится к информации о том, что на участке были обнаружены 22 земляные и 1 каменная гробница, в которых было найдено столько-то горшков, зеркал, серёг, бусин и т.д. [1884 г., д. 47, л. 28; см.: ОАК, 1882–1888, с. XLIII–XLIV]. После этого археологические отчёты всё больше стали превращаться в собрания финансовых документов, справок о высылаемых в Петербург находках и т.д., а вот настоящая полевая работа находила в них весьма скромное отражение. Всё это, в конце концов, сделало значимость археологических отчётов минимальной. Трудно сказать, что было причиной столь вопиющего пренебрежения элементарными правилами фиксации раскапываемых объектов, но вряд ли это связано исключительно с нерадением полевых археологов. Если бы это было только так, то петербургское руководство вполне могло бы указать им, так сказать, на неполное служебное соответствие, однако такого не произошло. Руководство Императорской археологической комиссии, вероятно, полагало, что такие отчёты соответствуют всем современным требованиям, а излишне подробные описания, в общем, никому не нужны. Такая позиция по существу превращала археологические раскопки боспорских могильников в отрасль кладоискательства.